

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 18

КОЛЛЕКЦИОНЕР ГОЛОВ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Коллекционер голов

<https://litres.ru/74094534>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, январь 1944 года. Капитан НКВД Алексей Ухтомский находит в подвале Академии художеств папку с делом, которого там быть не должно. В нём — убийства, драгоценные камни во рту жертв и имя человека, которого называли «Коллекционер голов». Дело закрыли в 1881 году, но кто-то тщательно прятал его от чужих глаз.

Спустя восемьдесят лет правнучка Алексея, искусствовед Анна Ухтомская, обнаруживает в том же подвале человеческий череп с жёлтым бриллиантом во рту и обрывок паспорта Достоевского. Случайность? Анна знает: в её работе случайностей не бывает.

Вместе с историком Максимом Строгановым она погружается в тайну кружка «Коллекционеры истины» — тайного общества, в котором состоял Достоевский. И чем глубже она копает, тем яснее: кто-то очень не хочет, чтобы эта правда вышла на свет. За Анной уже следят. Вопрос только в том, успеет ли она разобраться в случившемся, пока не стало слишком поздно.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I. «ЧЕРЕП В ПОДВАЛЕ»	10
ГЛАВА 1. «Находка в подвале»	10
ГЛАВА 2. «Экспертиза»	16
ГЛАВА 3. «Знакомство со Строгановым»	21
ГЛАВА 4. «Архив Алексея»	26
ГЛАВА 5. «Первые выв	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Коллекционер голов

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Время: 15 декабря, 09:00

Место: Санкт-Петербург, Академия художеств, подвал

Наши дни | Анна Ухтомская

Телефон зазвонил в половине девятого утра, когда Анна Ухтомская стояла перед зеркалом в прихожей и завязывала шарф. Она едва не уронила сумку, когда увидела на экране незнакомый номер. Голос на том конце был резким, торопливым, почти испуганным:

— Анна Сергеевна? Это Звонарёв из Академии художеств. Я реставратор. Вы должны приехать. Срочно.

— Что случилось? — Она уже натягивала сапоги, прижимая телефон плечом к уху.

— Мы нашли череп. В подвале. При ремонте. Там кирпичная кладка обрушилась, и... — Он запнулся. — Там череп. И бриллиант. Во рту. Анна Сергеевна, это жёлтый алмаз. Мне кажется, это «Глаз Будды». Я его по каталогам узнал.

Она замерла с сапогом в руке.

— «Глаз Будды»? Тот, что пропал из Румянцевского музея в конце XIX века?

— Да. Вы знаете о нём?

— Я знаю о нём всё, — сказала Анна и сбросила вызов.

Академия художеств встречала её привычным запахом старого камня, краски и сырости. Декабрьский Петербург лежал за окнами хмурым, тяжёлым небом, и в вестибюле горели лампы, отбрасывая жёлтые круги на паркет. Звонарёв ждал у лестницы — мужчина лет пятидесяти, с вечно взлохмаченной седой головой и в рабочем халате, испачканном гипсом.

— Спускайтесь, — сказал он, и голос его звучал глухо. — Только подготовьтесь. Там необычно.

Она спускалась за ним по каменным ступеням, и с каждым шагом становилось холоднее. Воздух пах землёй, тлением, временем. Подвал Академии был огромным — низкие своды, кирпичные стены, кое-где проступающая грибница от вековой сырости. Но запах здесь был особенным: не просто плесень, а что-то более древнее, застывшее.

— Вот здесь, — Звонарёв остановился у ниши в западной стене, где кирпичи были разобраны, а в проломе виднелась пустота. Рядом — стол с инструментами, фонари, лопатки. — Мы снимали слой штукатурки, и кладка обвалилась. Сначала ничего не поняли — думали, останки кошек, которые здесь раньше хоронили. А потом увидели...

Он отступил, давая Анне пройти.

Она подошла ближе и увидела череп.

Он лежал в нише, на боку, зубы были сомкнуты, и меж-

ду ними, зажатый, словно закуска, сиял жёлтый камень. Череп был не целым — на затылке зияла глубокая трещина, и Анне не нужно было быть судмедэкспертом, чтобы понять: удар был сильным, смертельным. Кости потемнели от времени, но были хорошо сохранившимися — подвал был сухим и прохладным.

— Боже мой, — выдохнула она. — Он лежит здесь больше ста лет.

— Сто пятьдесят, если верить тому, что мы нашли рядом, — сказал Звонарёв.

Он протянул ей пинцет, и она взяла его, не спрашивая зачем. Она опустилась на колени и осторожно коснулась краешка ниши. Рядом с черепом — он всё ещё был укрыт слоем пыли и мелкого щебня, — лежал небольшой комок. Ткань. Истлевшая почти до состояния трухи, но на ней — плотный кусок бумаги, сложенный в несколько раз. Анна протянула руку и взяла его.

Она не дышала. Она развернула бумагу. Она была серой, почти чёрной по краям, на ней проступали следы от воды, но текст сохранился — выцветшие чернила, старый почерк, каллиграфический, с завитушками.

Она прочитала вслух, едва слышно:

— «Фёдор Михайлович...» — и сердце её ухнуло куда-то вниз. — «1881 год».

Она поняла, что это не просто кусок бумаги. Это обрывок паспорта. Паспорта Достоевского.

Анна почувствовала, как у неё пересохло во рту. Она поднесла обрывок ближе к свету. На нём сохранилась часть штампа — «Санкт-Петербургское градоначальство», — и ещё одна строка, дата выдачи. 1879 год. И подпись, почти неразличимая, но Анна знала этот почерк. Она знала его по письмам, которые годами изучала в архивах. Это был почерк Фёдора Михайловича Достоевского.

«29 января 1881 года», — прочитала она дату на обрывке. День смерти Достоевского.

Она перевела взгляд на череп. На жёлтый бриллиант, который смотрел на неё, как глаз, застывший в вечности.

— Кто ты? — прошептала Анна.

Череп молчал.

Но где-то внутри неё, в той её части, которая всегда была исследователем, проснулось ровное, холодное понимание: это не просто находка. Это начало. Это начало нового расследования. И оно приведёт её туда, где уже были её прадед Алексей, и Фёдор Достоевский, и кто-то ещё, чьё имя пока оставалось неизвестным.

Она поднялась с колен, всё ещё сжимая обрывок паспорта в руке.

— Этот череп должен быть исследован, — сказала она твёрдо. — И бриллиант. И вы должны сделать всё, чтобы никто не прикасался к этому месту, пока я не скажу. Звонарёв, я беру это дело на себя.

— Но кто вы, чтобы... — начал было он.

— Я Ухтомская, — сказала она, не повышая голоса. — Анна Ухтомская. Правнучка капитана НКВД, который в 1944 году нашёл в этом же подвале паспорт Достоевского. Я знаю больше, чем вы можете себе представить. И я буду расследовать это убийство.

Звонарёв побледнел и кивнул.

Анна ещё раз посмотрела на череп. Она представила, как этот человек — мужчина с этим лицом, которого она никогда не увидит, — стоял в этом же подвале полтора века назад. Что он искал? Что он прятал? И кто запер его в этой стене?

Она положила обрывок паспорта в пластиковый пакет и застегнула его.

— Я начинаю расследование, — прошептала она. — И я найду тебя. Кем бы ты ни был.

ЧАСТЬ I. «ЧЕРЕП В ПОДВАЛЕ»

ГЛАВА 1. «Находка в подвале»

Время: 15 декабря, 09:30

Место: Санкт-Петербург, Академия художеств, подвал

Наши дни | Анна Ухтомская

Анна стояла на коленях на холодном цементном полу и смотрела на череп. Рядом с ней суетились двое экспертов из городского бюро судебно-медицинской экспертизы — их вызвали сразу же, как только Звонарёв понял, что это не средневековый некрополь и не кошачьи останки. Молодой парень в очках, который держал фонарь, нервно переминался с ноги на ногу, а его напарница, женщина лет сорока с собранными в тугой пучок волосами, уже открывала свой чемоданчик с инструментарием.

— Анна Сергеевна? — спросила она, поднимая взгляд. — Вы уверены, что хотите присутствовать? Это всё-таки место происшествия.

— Я уверена, — ответила Анна, не отрывая взгляда от черепа. — Это дело касается меня. Лично.

Женщина хмыкнула, но спорить не стала. Она развернула стерильные перчатки и протянула одну пару Анне. Та надела

их, чувствуя, как пластик холодно обхватывает пальцы.

Подвал Академии был огромен. Его своды уходили вверх, теряясь в темноте, где отсыревшие кирпичи кое-где были покрыты зелёным налётом вековой плесени. Воздух здесь был тяжёлым, как вода, и пах одновременно и старым камнем, и землёй, и ещё чем-то неуловимым — тем особенным запахом, который появляется только в местах, где время остановилось. Анна чувствовала его всем существом, и ей казалось, что она слышит эхо, идущее из самого XIX века.

Череп лежал в нише западной стены. Кирпичная кладка вокруг него была разобрана — кирпичи обрушились либо от времени, либо от удара. Анна заметила, что некоторые из них были новее остальных: должно быть, кто-то уже пытался вскрыть эту нишу раньше. Но когда — семьдесят лет назад? Сто сорок? Она не знала.

— Посмотрите на укладку, — сказала она, указывая на кирпичи. — Их клали дважды. Верхний слой — более поздний, он отличается по цвету.

Экспертша подошла ближе и присвистнула:

— Действительно. Кто-то уже был здесь вскрывал эту нишу. Замуровывали обратно.

— Когда?

— Сложно сказать без анализа раствора, — экспертша пожала плечами. — Но точно не в XIX веке. Возможно, в 1940-х.

Анна вздрогнула. 1940-е. Алексей. Она вспомнила днев-

ник своего прадеда, где он писал о находке в подвале Академии. Он говорил о первом ящике, о паспорте Достоевского, о том, что тайник был замурован. Он не говорил о черепе. Он не говорил о бриллианте.

«Значит, он не видел ни черепа, ни алмаза», — подумала Анна. — «Или видел, но не записал».

Она наклонилась ближе, разглядывая останки.

Череп лежал на боку. Верхняя челюсть была плотно сомкнута с нижней, и между зубами, словно кто-то вложил его туда уже после смерти, торчал жёлтый бриллиант. Камень был крупным — размером с грецкий орех — и имел редчайший оттенок: насыщенный янтарно-медовый, почти оранжевый по краям. Анна видела такие бриллианты только в каталогах и на фотографиях, но ни разу вживую.

— «Глаз Будды», — прошептала она, и голос её прозвучал в тишине подвала как молитва. — Это он. Я знаю.

— Почему вы так уверены? — спросил парень с фонарём, не скрывая любопытства.

— Потому что это единственный жёлтый алмаз такой огранки, который пропал из Румянцевского музея в 1867 году. Я читала о нём в дневниках моего прадеда. Он искал его.

— И что, нашёл? — спросил парень, совсем забыв о профессиональной дистанции.

— Он нашёл то, что с ним связано, — ответила Анна, не поворачиваясь. — Он нашёл паспорт Достоевского. В этом же подвале. В январе 1944 года.

Наступила тишина. Даже эксперты перестали дышать.

— Паспорт Достоевского? — наконец переспросила женщина. — Вы серьёзно?

— Я никогда не была так серьёзна, — ответила Анна.

Она опустилась на колени ниже и начала осматривать пространство вокруг черепа. Рядом с останками лежали фрагменты ткани — истлевшей, почти превратившейся в труху. Анна осторожно коснулась их и почувствовала, как материя рассыпается под пальцами. Похоже, это был пиджак или сюртук — Анна разглядела остатки воротника и пуговицу, чёрную, с неясным гербом.

— Это не просто череп, — сказала она, разглядывая пуговицу. — Это одетый человек. Его похоронили в одежде. Замуровали в стену.

— Может, он сам замуровался? — предположил парень.

Анна посмотрела на него с сомнением. Затем указала на череп:

— Посмотрите на затылок. Видите трещину? Это не от времени. Это удар. Тяжёлый предмет. Угол удара — сверху вниз, с силой. Такой удар не мог быть случайным. Его убили.

Она пододвинулась ближе, и свет фонаря упал на заднюю часть черепа. Там, где затылочная кость должна была быть целой, зияла глубокая вмятина — скол с расходящимися трещинами, словно паутина. Анна видела такие повреждения на архивных фотографиях жертв насильственной смерти. Ей не нужно было быть судмедэкспертом, чтобы понять:

это след от удара молотком или обухом топора. Смертельный удар. Мгновенный.

— Его убили, — повторила Анна, и голос её стал твёрже. — И тот, кто убил, знал, что делать. Он замуровал тело в стене. А бриллиант вложил в рот. Как печать.

Экспертша подошла ближе и, присев на корточки, внимательно осмотрела череп.

— Да, вы правы. Это насильственная смерть. Я могу сказать точно, когда мы проведём полную экспертизу. Но уже сейчас видно: удар был нанесён тупым предметом. Не ножом, не пулей. Молоток или что-то подобное.

— Или обух топора, — сказала Анна.

Она снова посмотрела на череп, на бриллиант, на обрывок паспорта, который лежал у неё в кармане. Она чувствовала, что этот человек — его лицо, его история, его тайна — были с ней связаны. Она чувствовала, что Алексей, её прадед, тоже искал его. И что она, Анна, должна закончить то, что он начал.

— Экспертиза, — сказала она, вставая. — Я хочу знать всё. Возраст, причина смерти, время, когда его замуровали. И я хочу, чтобы вы проверили ДНК. Сравните с тем, что есть в архивах.

— С кем конкретно?

— С Иваном Горским, — сказала Анна, и имя повисло в воздухе, как заклинание.

— Секретарь Достоевского, — прошептал парень с фона-

рём. — Я читал о нём. Он исчез в 1881 году. Никто не знал, куда он пропал.

— Теперь знаем, — сказала Анна. — Он был здесь. Всё это время. В стене. С бриллиантом во рту.

Она поднялась с колен и посмотрела на череп. Свет фонаря выхватывал из темноты жёлтый алмаз, и он горел, как глаз, смотрящий сквозь века.

— Кто ты? — прошептала Анна. — Ты действительно Горский? Или кто-то другой?

Череп молчал. Но она знала: скоро он заговорит. Скоро она узнает всё.

ГЛАВА 2. «Экспертиза»

Время: 16 декабря, 11:00

Место: Санкт-Петербург, бюро судебно-медицинской экспертизы

Наши дни | Анна Ухтомская

Здание городского бюро судебно-медицинской экспертизы стояло на окраине Петербурга, в районе, где высокие панельные дома сменялись старыми промышленными корпусами. Анна подъехала к серому четырёхэтажному зданию, которое ничем не отличалось от обычного офисного центра, если бы не табличка у входа и не запах формалина, который чувствовался ещё на улице. Она вошла внутрь, предъявила пропуск, который ей заранее оформили по звонку Звонарёва, и поднялась на третий этаж.

В кабинете судмедэксперта пахло хлоркой и чем-то стерильным, до рези в глазах. Анна села на стул у стола, где лежала тонкая папка с результатами первичного осмотра. Напротив неё сидел мужчина лет пятидесяти с усталыми глазами и седой щетиной — Григорий Алексеевич, главный специалист по костным останкам. Он говорил медленно, с лёгкой хрипотцой, и каждое его слово было взвешенным.

— Анна Сергеевна, я изучил материал, который вы прислали. Череп — в хорошей сохранности, судя по состоянию

костной ткани, он пролежал в сухом месте не менее ста лет. Подвал Академии — идеальные условия для консервации. Ни влажности, ни гнилостных процессов. Мы смогли получить достаточно данных.

Она кивнула, сжимая в руках свою сумку.

— Что вы выяснили?

Григорий Алексеевич открыл папку и перелистнул несколько страниц.

— Возраст — от сорока пяти до пятидесяти пяти лет. Точнее сказать сложно, но это взрослый мужчина, зрелый, не старик. Рост — около ста семидесяти пяти сантиметров. По строению черепа и челюсти — европеоид, славянский тип. Время смерти — между 1880 и 1882 годами. Это подтверждается не только состоянием останков, но и объектами, найденными рядом — пуговица, обрывок ткани, характер захоронения.

Анна почувствовала, как сердце забилося быстрее.

— А причина смерти?

— Вот здесь самое интересное, — Григорий Алексеевич перевернул страницу и показал ей рентгеновский снимок шейного отдела позвоночника. — На позвонках — характерные следы. Видите эти микротрещины в области подъязычной кости и второго шейного позвонка? Это типичные повреждения при удушении верёвкой или удавкой. Человека задушили. А след на затылке — уже после смерти. Удар нанесли, когда он был мёртв или уже умирал.

Анна взгляделась в снимок. Белые линии на чёрном фоне были едва заметны, но эксперт указал пальцем на них, и она поняла: да, это следы. Кто-то взял верёвку или ремень и сдавил горло этому человеку. С силой. До смерти.

— То есть его сначала задушили, а потом ударили по голове? — переспросила она.

— Не совсем. Скорее, сначала оглушили или ударили, а потом задушили. Либо наоборот — удар был финальным, контрольным. Но факт остаётся фактом: смерть была жестокой, насильственной. Этот человек не умер своей смертью.

Анна откинулась на спинку стула и перевела дыхание.

— У меня есть теория, — сказала она. — Мне кажется, это Иван Горский. Секретарь Достоевского. Он исчез в феврале 1881 года, через две недели после смерти писателя. Его никто не искал — или искали, но не нашли.

Григорий Алексеевич скептически приподнял бровь.

— А вы уверены, что это именно он?

— Нет. Поэтому я и пришла к вам.

— Мы можем провести антропологическую реконструкцию, — сказал он, и в его голосе появились деловые нотки. — Восстановить лицо по черепу. Это займёт несколько дней, но даст результат. Если у вас есть фотографии или портреты этого человека — будет проще сравнить.

— У меня есть фотография, — сказала Анна и вытащила из сумки папку, где лежала копия старого снимка из архива Алексея. — Вот. Это Горский. Снят в 1878 году.

Она протянула фотографию эксперту. На ней был мужчина с живым, внимательным лицом, в тёмном сюртуке, с небольшой бородкой и ясными глазами. Григорий Алексеевич долго рассматривал снимок, потом перевёл взгляд на рентгеновский снимок.

— Скулы, строение челюсти, ширина лба — похоже, — наконец сказал он. — Но я не могу гарантировать, что это один и тот же человек, без реконструкции.

— Сделайте её, — сказала Анна. — Мне нужно знать. Это не просто мёртвый человек. Это ключ к тайне, которую я ищу.

Эксперт кивнул и убрал фотографию в папку.

— Хорошо. Я начну завтра.

Анна вышла из кабинета и направилась к лестнице. Она спускалась по ступеням, и в голове её был хаос. Удушение, удар по голове, замурованный в стене череп, бриллиант во рту. Почему? За что? Кто мог так поступить с человеком, который был всего лишь секретарём писателя?

Она остановилась на площадке между этажами и опёрлась о стену. Перед глазами всё ещё стоял рентгеновский снимок сломанных позвонков. Она представила, как Горский борется за воздух, как его глаза закатываются, как он, наверное, молил о пощаде или, наоборот, молчал до последнего, не выдавая той тайны, за которую его убивали.

В кармане у неё лежал обрывок паспорта Достоевского. Она достала его и посмотрела на выцветшие буквы, на под-

пись — «Фёдор Михайлович». Она всё ещё не знала, что это значит. Настоящий паспорт Достоевского? Подделка? Или что-то большее?

Она нащупала телефон и набрала номер, который ей дали коллеги из Эрмитажа. Номер был незнакомый, но Анна знала, что должна позвонить именно сейчас, не откладывая. На том конце подняли трубку после третьего гудка.

— Строганов, слушаю.

Голос был молодым, но серьёзным. Анна сглотнула ком в горле.

— Мне нужна ваша помощь, — сказала она. — Меня зовут Анна Ухтомская. Я искусствовед. Я нашла череп с бриллиантом во рту. И паспорт Достоевского.

На том конце наступила тишина. Анна слышала только дыхание и, кажется, скрип кресла. Потом голос стал тихим, почти шёпотом:

— Где вы? Я сейчас выезжаю.

ГЛАВА 3. «Знакомство со Строгановым»

Время: 16 декабря, 15:00

Место: Санкт-Петербург, кафе на Васильевском острове

Наши дни | Анна Ухтомская

Кафе на Васильевском было маленьким, почти неприметным — старый дом с низкими потолками, обшарпанные стены, за стойкой суежилась женщина лет шестидесяти, которая, казалось, работала здесь с самого открытия. Анна выбрала столик у окна, чтобы видеть каждого, кто входит. Она заказала зелёный чай, но не притронулась к нему. Горячая кружка остывала, пока она перебирала в голове все возможные вопросы, которые могла бы задать этому загадочному Строганову.

Она не знала, как он выглядит. Только голос. Только имя. Ей казалось, что он будет старше, солиднее, может быть, с профессорскими манерами — таким обычно рисуют специалистов по XIX веку. Но когда дверь открылась, и вошёл молодой человек лет тридцати, Анна поняла, что это он. Его выдавали нелепые круглые очки, которые съезжали на кончик носа, и вечно растрёпанные русые волосы, словно он всю ночь не спал. Он был одет в старый твидовый пиджак, и под

ним — свитер с высоким горлом, немного растянутый.

— Анна Ухтомская? — спросил он, останавливаясь у столика.

— Да, — ответила она, вставая. — Максим?

— Максим Строганов, — он протянул руку, и она пожала её — рука была узкой, но хватка крепкой. — Извините, что задержался. Пробки на набережной.

— Я тоже недавно пришла, — сказала она, хотя сидела здесь уже сорок минут.

Он сел напротив, снял очки и протёр их краем свитера. Без очков его лицо было моложе, но глаза при этом казались уставшими — глубокие тени под ними говорили о бессонных ночах в архивах.

— Итак, — начал он, водружая очки обратно. — Вы нашли череп. И паспорт Достоевского. Я не знаю, насколько я могу быть вам полезен, но я попробую.

Анна коротко кивнула и начала рассказывать. Она говорила о подвале Академии, о бриллианте, о человеке, чьи останки покоились в стене почти полтора века. Она описывала обрывок паспорта, дату, подпись, а когда говорила о том, как череп выглядел — о затылке с трещиной, о зажатом между зубами алмазе, — она видела, как меняется лицо Максима. Оно бледнело. Он даже перестал двигать чашку с кофе, которую всё время вертел в руках.

— Жёлтый бриллиант, — медленно повторил он. — Вы уверены?

— Я видела его своими глазами. Золотисто-янтарный, огранка старинная. Специалист из музея подтвердил, что это «Глаз Будды». Он исчез из Румянцевского музея в 1867 году. Семьдесят лет никто не мог его найти. А он лежал во рту мертвеца.

Максим снял очки и снова протёр их — на этот раз уже нервно.

— Это невозможно, — сказал он. — Но я знаю, что это правда.

— Почему вы так уверены?

Он положил очки на стол и посмотрел ей прямо в глаза:

— Потому что я слышал об этом. И не раз. В архивах, в старых книгах. Есть легенда о человеке, которого называли «Коллекционер голов». Он действовал в Петербурге в 1860–1870-х годах. Агент Третьего отделения. Он убивал членов тайных кружков и оставлял во рту жертв драгоценные камни — как печать. Я думал, это байка. Исторический анекдот. Но вы нашли доказательство.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Вы знаете имя этого человека?

— Не знаю, — признался Максим. — В официальных документах он не фигурирует. Но в частных письмах того времени есть упоминания. Его называли «Коллекционером», «человеком с камнями». Если он действительно существовал, он был исполнителем чьих-то приказов. Охранка, тайная полиция. Они уничтожали неудобных, но делали это не

просто так — они искали что-то. Документы.

Анна почувствовала, как её дыхание перехватило.

— Документы Достоевского?

— Возможно, — сказал Максим. — Достоевский в последние годы жизни был связан с некими кружками. Интеллигенция, юристы, бывшие декабристы. Они собирали компромат на чиновников, обсуждали реформы. Это была подпольная организация. Она называлась «Коллекционеры истины». И Достоевский был её участником.

— Откуда вы это знаете? — спросила Анна, и голос её дрогнул.

Максим усмехнулся, и в этой усмешке была горечь.

— Это моя диссертация. Я изучаю тайные кружки Петербурга. Я знаю о них почти всё. Но «Коллекционеры истины» — это самое тёмное место в моих исследованиях. О них почти нет упоминаний в открытых источниках. Только несколько намёков, писем, случайно сохранившихся записок. И всё.

Анна открыла сумку и достала папку с фотографиями. Она протянула ему снимок черепа — крупный план, с бриллиантом между зубов.

— Вот, — сказала она. — Посмотрите сами.

Максим взял фотографию дрожащими пальцами. Он смотрел на неё долго, почти минуту. На его лице появлялись и исчезали тени — сначала неверие, потом узнавание, потом ужас.

— Боже мой, — прошептал он. — Боже мой.

Он снова посмотрел на фотографию, на обрывок паспорта, на дату — 29 января 1881 года.

— Это не просто череп, — сказал он. — Это Иван Горский.

— Секретарь Достоевского, — кивнула Анна.

— Да. Он исчез в феврале 1881 года. Через две недели после смерти Достоевского. Никто никогда не знал, что с ним случилось. Говорили, что он сбежал за границу. Или покончил с собой. Но его не было нигде. Его просто не стало.

— А он был здесь, — сказала Анна. — В стене. Всё это время.

Максим поднял на неё глаза. За стеклами очков они казались неестественно яркими, почти лихорадочными.

— Если это Горский, — сказал он медленно, — значит, Достоевский знал о кружке. И он что-то спрятал. Что-то, ради чего Горского убили.

— Что он спрятал? — спросила Анна, и её голос прозвучал тихо, почти шёпотом.

Максим ответил, и слова его упали в тишину кафе как капли ледяной воды:

— Паспорт. Настоящий паспорт Достоевского.

ГЛАВА 4. «Архив Алексея»

Время: 17 декабря, 10:00

Место: Санкт-Петербург, квартира Анны, архив Алексея

Наши дни | Анна Ухтомская

Архив Алексея занимал небольшую комнату в квартире Анны на Литейном проспекте. Там было тесно — стеллажи от пола до потолка, коробки, папки, старые папки с завязками, металлические сейфы в углу. Запах старой бумаги смешивался с запахом пыли и нагретого дерева. Здесь никогда не было солнечно — окно выходило во двор, и даже днём Анна включала лампу, чтобы разобрать документы.

В это утро она пришла сюда с Максимом Строгановым. Они стояли у стеллажа, на котором лежали папки, подписанные рукой Алексея — чётким, каллиграфическим почерком человека, привыкшего к отчётности и документам.

— Ищите всё, что связано с 1881 годом, — сказала Анна. — С Горским. С паспортом. С подвалом Академии.

Максим кивнул и начал перебирать папки. Он работал быстро, но аккуратно — видно было, что он привык к архивам. Анна же двигалась медленнее, она брала каждую папку, открывала её, просматривала содержания, задерживая взгляд на знакомых почерках.

Она уже знала многие документы. Она перечитала их за

годы работы. Но в этом хаосе — коробках, которые Алексей складывал по принципу «куда упало», — ещё оставались вещи, которых она не касалась. Анна чувствовала, что где-то здесь лежит ключ к разгадке.

— Анна, — позвал Максим через полчаса работы. — Я нашёл нечто.

Она подошла к нему. Он держал в руках серую папку, завязанную тесёмкой, на которой была надпись, сделанная чернилами: «Дело о паспорте Ф.М. — 1944».

— Ф.М., — прочитал Максим вслух. — Фёдор Михайлович.

— Откройте, — сказала Анна, чувствуя, как забилось сердце.

Максим развязал тесёмку и открыл папку. Внутри лежали листы — исписанные знакомым почерком Алексея. Это был его дневник, записи, сделанные в январе 1944 года. Анна взяла верхний лист и начала читать вслух:

— «10 января 1944 года. Я получил задание проверить подвалы Академии художеств — есть сведения, что немцы прячут ценности. В подвале я нашёл старые дела, среди которых — папка 1881 года. Дело Горского. Секретаря Достоевского. В деле есть записка, где сказано: "В паспорте Достоевского был шифр. Ключ к шифру — в подвале Академии".»

Анна подняла глаза на Максима.

— Он нашёл это дело. Алексей нашёл его в 1944 году.

Максим смотрел на неё, и в его взгляде читалось уваже-

ние.

— Ваш прадед был гениальным сыщиком, — сказал он. — Он вытащил эту информацию из пыли. Из войны. Из хаоса.

— Да, — сказала Анна, чувствуя, как по телу разливается странное тепло. — Он всегда был таким.

Она перевернула страницу и продолжила читать дневник. Алексей описывал свои поиски, как он обыскивал подвал Академии, как нашёл люк в полу, как спускался в подземный ход. Как нашёл первый ящик — с паспортом Достоевского. Как понял, что это не конец.

— «Первый ящик оказался ложным, — читала Анна. — В нём лежал паспорт, но он был поддельным. Настоящий — с шифром на полях — хранился в другом месте. Я должен был найти второй ящик. Но бомбёжка помешала. Я потерял время».

Максим подошёл ближе и посмотрел через плечо Анны.

— Поддельный? — переспросил он. — Значит, Горский подменил паспорт? Он хотел, чтобы нашли именно подделку?

Анна кивнула, не отрывая взгляда от страниц.

— Если бы кто-то нашёл первый ящик, он бы подумал, что это всё. Но настоящий паспорт был спрятан в другом месте. В более надёжном.

Она перевернула ещё одну страницу и замерла. Последняя запись в дневнике была сделана торопливым, нервным почерком, почти каракулями:

«Паспорт подменён. Настоящий — с шифром на полях. Его спрятали там, где его никто не найдёт — в старом русле Невы, под Академией. Второй ящик. Я должен найти его. Завтра. Если я не вернусь — знайте, я был близко».

Анна прочитала эти строки, и у неё перехватило дыхание. Она подняла глаза на Максима, и в её взгляде был вопрос:

— Он знал, где второй ящик. Он знал, что он под Академией, в старом русле Невы. Он собирался туда, но...

— Но война, — закончил Максим. — Бомбёжка. Он не мог завершить начатое.

Анна почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Она сжала лист бумаги в руках и прошептала:

— Он был так близко. И он оставил это для меня. Он знал, что я приду.

Максим положил руку на её плечо, и Анна не убрала её.

— Мы найдём его, — сказал он тихо. — Мы найдём второй ящик. Я помогу вам.

Анна подняла на него взгляд.

— Вы действительно готовы искать скелеты в подвалах старого города?

Максим усмехнулся, и в этой усмешке была решимость, которую она не ожидала.

— Я ищу скелеты всю жизнь, — сказал он. — Просто теперь они настоящие.

Анна кивнула и убрала дневник в папку. Она чувствовала, что её поиск только начался. Но теперь она знала, куда идти.

— Мы пойдём в Академию, — сказала она. — И найдём этот ход. Сегодня.

ГЛАВА 5. «Первые выв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.